

Девочка Катя

Житков Борис Степанович

Сказка

Для младшего школьного возраста.

Девочке Кате захотелось улететь. Своих крыльев нет. А вдруг есть на свете такая птица - большая, как лошадь, крылья, как крыша. Если на такую Только птицу надо раньше задобрить и кормить птицу чем-нибудь хорошим - вишнями, например.

За обедом Катя спросила папу:

- Есть такие птицы, как лошадь?

- Не бывает таких, не бывает, - сказал папа. А сам всё сидит и читает газету.

Увидала Катя воробья. И подумала: "Какой чудак таракан. Была бы я тараканом, подкралась бы к воробью, села бы ему между крыльев и каталась бы

по всему свету, а воробей бы и не знал ничего".

И спросила папу:

- А что, если таракан на воробья сядет?

А папа сказал:

- Клюнет воробей и съест таракана.

- А бывает такое, - спросила Катя, - что орёл схватит девочку и понесёт к себе в гнездо?

- Не поднять орлу девочку, - сказал папа.

- А два орла понесут? - спросила Катя.

А папа ничего не ответил. Сидит и газету читает.

- Сколько орлов надо, чтобы понести девочку? - спросила Катя.

- Сто, - сказал папа.

А на другой день мама сказала, что орлов в городах не бывает. А по сто штук вместе орлы никогда не летают.

И орлы злые. Кровавые птицы. Поймает орёл птичку - разорвёт в кусочки. Схватит зайца - и лапок не оставит.

И Катя подумала: надо выбрать добрых белых птичек, чтобы жили дружно, летали бы стаей, крепко летали и махали бы широкими крыльями, белыми перьями. Подружиться с белыми птицами, таскать от обеда все крошки, не есть

конфет два года - всё отдавать белым птичкам, чтоб птички полюбили Катю, чтобы взяли её с собою и унесли бы за море.

А в самом деле - как замашут крыльями, захлопают целой стайей - так что ветер подымется и пыль по земле пойдёт. А птички выше, зажужжат, захлопочут, подхватят Катю... да так за что попало, за рукава, за платье, пусть даже за волосы схватят - не больно - клювиками схватят. Подымут выше дома - все смотрят - мама крикнет: "Катя, Катя!" А Катя только головой закивает и скажет: "До свиданья, я потом приеду".

Наверное, есть такие птицы на свете. Катя спросила маму:

- Где узнать, какие бывают птицы на всём свете?

Мама сказала:

- Учёные знают, а впрочем - в зоосаде.

Гуляла Катя с мамой в зоосаде.

Ну их, львов - и не надо обезьянок. А вот тут в больших клетках птицы.

Клетка большая, и птичку еле видно. Ну, это маленькая. Таким и куклы не поднять.

Орёл сидел на сером камне и рвал по клочкам мясо. Кусит, рванёт, головой повертит. Клюв - как клещи железные. Острый, крепкий, крючковатый.

Совы сидели белые. Глаза - как большие пуговицы, мордочка пушистая, а в пуху крючком спрятан острый клюв. Ехидная птица. Хитрая.

Мама говорит: "Совушка, совушка", - а пальчика ей не сунула.

А вот птички - и не знает Катя - может быть, попугайчики, беленькие, крылышки отточенные, машут, как веерами, носики длинненькие, летают по клетке, усидеть не могут и все ласкового цвета.

Мама за руку дёргает. "Пойдём", - говорит. А Катя плачет, топает ногой.

Видит ведь: те самые птицы, белые, добрые, и крылья большие.

- Как они называются?

А мама говорит:

- Не знаю я. Ну птицы как птицы. Белые птицы, одним словом. А главное, обедать пора.

А дома Катя придумала.

А что придумала - никому не сказала.

Взять коврик, что висит над кроватью, и к этому коврику пришить по краям толстой ниткой конфеты, семечки, косточки, бусинки - весь-весь коврик кругом обшить, и белые птички схватят, замахают белыми крылышками, дёрнут

клювиками за ковёр.

А на ковре лежит Катя. Лежит, как в люльке, и птички её любят, и всех птичек триста, все кричат, все наперебой хватаются, несут, как пушинку.

Выше

крыши над всем городом. Все внизу стоят, головы забросили. "Что, - говорят, - что такое?" Выше дерева подняли. "Не бойся, - кричат птички, - не пустим, ни за что не пустим. Держите крепче!" - кричат птички.

А Катя растянулась на коврике, и ветром волосы треплет. Облако навстречу. В мягкое облако влетели птички. Обвело облако и в самое синее небо - всё кругом синее - и всё дальше, дальше. А там далеко, а там далеко осталась мама, плачет от радости: "Катеньку нашу птички как любят - с собой взяли. Тоже как птичку".

А потом за море. Внизу ходит море и синие волны. А птицы ничего не боятся. "Не уроним, - кричат, - не уроним!" И вдруг стало тепло-тепло. Там всё тёплое, и вода, как чай, тёплая, и земля тёплая. А трава совсем мягкая. И нигде нет колючек.

С этого дня Катя каждое утро клала за окно на подоконник сухарики, корочки, сахар. Била сахар на кусочки, раскладывала рядышком на подоконнике.

Наутро ничего не было.

Птички знают - они ночью хватают, а днём, наверное, подглядывают: видят, что Катя их любит и своих конфет не жалеет.

Настало время. Покатались по небу тучи. Мама достала из корзины калоши. Катя сорвала со стены коврик - дошивала последние нитки. А птички ждали за крышей и тайком подглядывали - скоро ли постелет Катя свой коврик. Катя постелила коврик в комнате, легла и примерилась.

- Это что за фокусы, - сказала мама, - днём на полу валяться?

Катя встала и сразу заплакала. Мама схватила коврик.

- Это что за нитки? Это что за гадость - конфетки, объедки.

Катя заплакала ещё сильнее. А мама рвёт нитки, ругается.

Катя подумала: "Расскажу - может, лучше будет". И всё рассказала.

А мама села на ковёр и сказала:

- А ты знаешь, бывают птицы вороны. Видала: чёрные, носы, как гвозди, долбанёт носом - и глаз вон. Они злые, цыплят таскают. Налетят на твоих белых птичек, как начнут долбить злыми носами - вправо, влево, по перышку растаскают всех птичек. Из самой высоты, с самого верху полетишь ты, как кошка из окошка.

Утром рано прыгнул кот на кровать к Кате и разбудил. Катя кота не скинула, а сгребла платье со стула под одеяло, всё, всё: и чулки, и подвязки, и башмаки. Стала под одеялом тихонько одеваться. Чуть мама шевельнётся - Катя голову на подушку, а глаза закрывает.

Наконец оделась, тихонько слезла на пол. Надела шапку, натянула пальто, взяла в кухне хлеба - потом тихонько без шума открыла дверь на лестницу и

пошла по лестнице. Не вниз, а вверх. На третий этаж, на четвёртый этаж, на пятый этаж и ещё выше. Вот тут чердак начинается, а окно на крышу безо всяких стёкол. Из окна мокрый ветер дует.

Катя полезла в окно. Потом на крышу. А крыша была скользкая, мокрая. Катя полезла на животе, руками хваталась за железные рёбра, долезла до самого верху и села верхом на крышу у самой трубы. Накрошила хлеба, разложила и справа и слева и сказала себе:

- Буду сидеть, не шевелиться, пока не прилетят птички. Может быть, они меня и так возьмут. Я их очень начну просить. Так очень, что заплачу.

Мелкий дождик с неба шёл, закапал всю Катю. Прилетел воробей.

Посмотрел, посмотрел, повертел головкой, посмотрел на Катю, пискнул и улетел.

- Это он ко мне прилетал, это его птички послали посмотреть: ждёт ли Катя. Полетит теперь и скажет, что сидит и ждёт.

"Вот, - думает Катя, - я закрою глаза, буду сидеть, как каменная, а потом открою, и кругом будут всё птицы, птицы".

И вот видит Катя, что она не на крыше, а в беседке. А к беседке прилетают птички, в клювиках цветочки - всю беседку усаживают цветочками. И

у Кати на голове цветочки и на платье цветочки: а в руках корзинка, в корзинке конфеты, всё, что надо в дорогу.

А птицы говорят:

вместо лошадей, а тебе ничего не надо делать - ты сиди и держись за спинку.

Вдруг слышит Катя - гром раздался. Скорей, скорей летите, птички, гроза сейчас будет.

Птички машут изо всей силы крыльями, а гром сильнее, ближе - и вдруг Катя слышит: "Ах, вот она где".

Катя открыла глаза. Это папа идёт по крыше. Идёт согнувшись - и гремит, хлопает под ним железо.

- Не шевелись, - кричит папа, - упадёшь.

Ухватил папа Катю поперёк живота и пополз с крыши. А внизу стоит мама.